

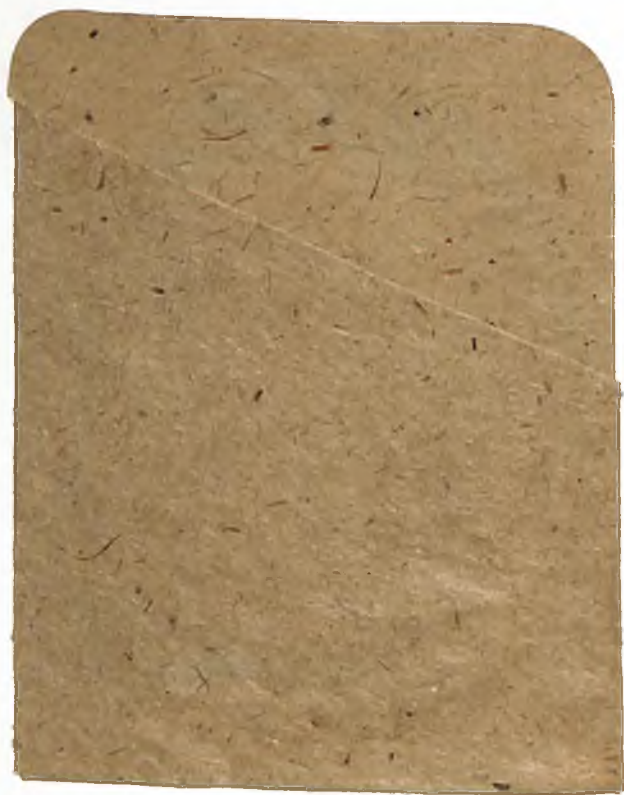
84(2=632.1/6

Ш 624

М. Минжик

Торное эхо





ТАНЫСПАЙ ШИНЖИН

ГОРНОЕ ЭХО

СТИХИ

Перевод с алтайского

**Горно-Алтайск
2007**

84/2=632.1/6-5
Ш 624

ЛИТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР



598119 v

БУ РА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

02 11 2004

Эхо песен поэта...

Богат наш Горный Алтай талантливymi людьми. И часто в суете буден, мы не замечаем или просто привыкаем к тому, что эти люди живут среди нас. Эти люди, имея за плечами огромный жизненный и творческий опыт, как правило, скромны и не пытаются себя рекламировать. Общение с ними приносит нам настоящую радость, духовно обогащает нас и дает нам более четкое понимание предназначения человека, его места в этом не простом мире.

Одним из таких людей, живущим рядом с нами является Таныспай Баксурович Шинжин – алтайский сказитель-кайчи, поэт, ученый-фольклорист, педагог.

Родился Таныспай Баксурович в 1936 году, в высокогорном урочище Малый Улегем, Онгудайского района, в семье табунщика и сказителя Боксура. Но в 1937 году был репрессирован отец и Таныспай воспитывается в семье старшего брата Бёдёса. Это его братья-сказители – Бёдёс и Тензе сумели привить Таныспаю любовь к народным сказкам и сказаниям о богатырях, способность поэтического восприятия мира, пробудить у мальчика талант кайчи и освоить разновидности горлового пения: «каргыраа», «хомей», «сыбыскы», «сыгыр».

В юношеские годы Таныспай Шинжин близко общается с великими алтайскими сказителями, такими, как А.Г.Калкин и его отец Г.И.Калкин,

С.И.Савдин, Т.А.Чачияков, Н.К.Ялатов, Т.И.Самойлов, позже, сотрудничая с ними как коллега, Таныспай Баксурович изучая их жизнь, творчество и премудрости исполнительского мастерства знаменитых сказителей, развил разновидности горлового пения. Эти разновидности его кая – горлового пения – были записаны в 1982 году на гигантских грампластинках, которые вызвали большой интерес в Горном Алтае. Таныспай Баксурович – как ученый-фольклорист написал более 300 научных статей о проблемах фольклора, эпического творчества не только алтайских, но и сказителей других тюрко-монгольских народов.

Сегодня Таныспай Баксурович – народный кайчи Республики Алтай, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, свой уникальный сказительский опыт, передает молодому поколению, являясь преподавателем Государственного колледжа культуры и искусства Республики Алтай.

И этот сборник стихов Таныспая Баксуровича – это еще одна грань его таланта. Его творчество – настоящий горный родник, чистый и целебный, читая его, приобщаешься к красоте родной земли, наполняешься душевной щедростью и добротой. В сборник включены стихи на самые разные темы и с разным художественным уровнем, но все они пронизаны любовью к родному краю, к своему народу, к чарующей природе Горного Алтая и к жизни как таковой.

Здравствуй,
Здравствуй, утро голубое –
Утро новых песен
и надежд!

Радостно встречая новый день, поэт, приветствует родной Алтай, его голубые горы и конечно землю, на которой родился и живет...

Вот и солнце встало над горами –
Светлое начало всех начал.

Таныспай Баксурович Шинжин – автор 20 книг. Это и сборники стихов, рассказов и повестей, героических сказаний. Герои – люди мужественные, добрые, гостеприимные и скромные – пастухи, чабаны, рядовые труженники. И сам поэт идет по жизни не как созерцатель, а как созидатель, призывающий потомков любить свою родину и помнить о своем долге перед народом и предками «когда-то прадед мой... пел песни о жизни и нужде народов Горного Алтая...», пишет поэт, и завещает потомкам землю свою:

Оставляю дороги,
Заводы,
Мосты,
Города.
Я забочусь о том,
Чтобы землю,
до боли родную,
И прекрасной,
И мирной
Потомкам своим передать.

Давайте пожелаем Таныспаю Баксуровичу,
долгой творческой жизни, новых научных ра-
бот и пусть его кай звучит в горах Алтая и да-
леко за его пределами.

Сегодня –
Сын страны
родной –
Пою я
О труде и мире.
Разносит эхо
Голос мой
В горах все громче
и всё шире...

*Заслуженный деятель искусств
Российской Федерации,
Заслуженный артист
Республики Алтай
Владимир Кончев
26.01.2006 г.*

Навечно

Пусть солнце
С высоты порой не греет,
Пусть месяц
Тускло освещает путь,
Но сердце
От любви к тебе немеет,
И теплая волна сжимает грудь.
Гляжу на цепи гор –
На цепи эти,
Которыми я прикован к тебе,
Я кедрами люблюсь на рассвете.
А корни их –
Они в твоей судьбе,
В моей судьбе!
В годину испытаний
Ты матерью мне ласковой была.
Во дни разлуки
И во дни свиданий
По верному пути меня вела.

Лихое время грянет! –
я с тобою
В целебных реках
грозная вода
Умчит меня
К соленому прибою,
В бои умчит.
Я понял навсегда:
Что эти цепи гор –
Такие цепи,
Которыми прикован я к тебе.
Что корни кедров
Оплели навеки
Мою судьбу
В твоей большой судьбе.



Судьба

Говорят,
Что я родился с криком.
И сказали люди:
– Быть ему
В жизни и счастливым
И великим.
Это сразу видно по всему. –
А старухи,
Что в соседстве жили –
Судеб предстоящих толмачи, –
Заявили,
Словно предрешили:
Станет он батыром
Иль кайчи.*
Мама поправляла одеяло,
И не прятал радости отец.
И расти мне, значит, предстояло
В окруженье
Любящих сердец.

* *Кайчи* — исполнитель национального горлового пения

... А в аиле
Дым клубился синий.
И хотя вовсю очаг горел,
На полу лежал колючий иней,
Были стены в снежном серебре.
Дым виною
Или злая стужа –
Я не знаю.
Люди говорят,
Я внезапно кашлять стал натужно
И не спал немало дней подряд.
Потому однажды утром рано
Кто-то из сородичей вскочил
На коня
И пригласил шамана,
Чтобы он недуг мой излечил.
И шаман явился на закате,
Чем-то сам похожий на закат
В вековечном ритуальном платье,
Первобытно грязен и космат.
В гулкий бубен ударял и пел он,
Вызывая духов без конца.
И смотрели все оторопело
На движения его лица,
Словно каждый
В чем-то был повинен.
Пил шаман,
 как воду,
 араку.

И, к Луне уже ополовинен,
Ташаур валялся на боку.
Оглядел меня он мутным оком,
«Знающий все судьбы наперед»,
И сказал родителям жестоко:
– Оп куруй! –
Что значило «умрет».
Но не угадал,
Ошибся старец!
Выжил я и рос здоровяком.
А теперь почти любой алтаец
Мне в краю отеческом знаком.
В прошлое отброшены поверья,
В прошлом и молитвы,
И мольбы.
Как и все сородичи,
Теперь я
Стал вершителем своей судьбы.
Знаю,
Что грядущее прекрасно,
Что светлым-светла судьба моя.
И готов кричать я громогласно:
– Я живу! –
А значит – счастлив я.

Памятник

Каждый день я вижу Ильича:

Он стоит

И неба на плечах

Поднимает над моим селом.

А над ним –

Заря горит светло.

Нет!

Над ним пылает не заря –

А святое знамя Октября.

Он стоит

И кажется вот-вот

С пьедестала широко шагнет.

А пока

В невиданный простор

Руку он уверенно простер –

Главный путь указывает нам

К новым

Небывалым временам.

На могиле партизана

У Катуня,
На скалистом склоне
Есть могила старая одна.
Здесь когда-то
В страшной обороне
На поверку стала тишина.
Вечная.

Горючие березы
Смотрят вниз,
Где катится вода.
И роса на листьях –
Будто слезы,
Что не могут высохнуть года.
Как он плыл
И выползал на камни
В тот далекий
Горестный июнь,
Как планету
Охватил руками,
Говорит мне бурная Катунь.

Как друзья-товарищи угрюмо
Принесли его
На скальный склон,
Как металась
Клятвенная дума
В каждом,
Для кого старался он, –
Говорит река.

Деревья встали
В свой почетный,
мирный караул.

Золотые звезды засияли
Над землей,
В которой он уснул.

Днем и ночью,
И зимой и летом,
Поднимись на склон –
увидишь ты,

Как на камне
Самым теплым цветом
Полыхают свежие цветы.

Стланик

Кедровый стланик цепок и колюч.
Он все заполонил на перевале.
Немало облаков
И сизых туч
Об этот стланик
Платья изорвали.
Немало в нем увязло навсегда
Косматых вихрей,
Черных ураганов.
Об этом знает горная гряда,
Об этом помнят скалы-великаны.
Но стланик не возносится совсем
И никогда
Не метит в исполины.
Пусть он всегда
На главной полосе –
Он не стремится в тихие долины.
Он, заслоня щебет птичьих гнезд,
Встречает первым грозы

И ненастья,
Оберегает молодой подрост
И в этом видит собственное счастье.
И знаю я,
Вот здесь,
На высоте –
Труднодоступной,
Гордой,
Нелюдимой –
Всегда,
Как будто сказочный Антей
Берег он силы у земли родимой.
Как на него похож ты,
Мой народ, –
На этого жильца высокогорий!
Из года в год
С природой в вечном споре
Он силы у земли своей берет.

Земля, где я вырос

Земля,
Где я вырос,
До малого камня
Близка мне,
До былинки последней,
До каждой пылинки близка...
...Здесь когда-то впервой,
Оттолкнувшись несмело руками
От земли,
Я поднялся
И увидел вдали облака.
К ним бежала дорога,
Взбираясь на гору покато.
По крайкам ее
Рос маральник
И качался душистый чабрец.
По дороге отара
Неспешно пылила куда-то.
Сзади – всадник-чабан.

И с горизонтом путь мой слит,
И все, что вечно в человеке,
Со мной в грядущее летит.

Мой иноходец верный –
время!

Опять,

опять крутой подъем!

И под ногою гнется стремя,
А впереди светло, как днем.
Встречай,

иное поколение,

Но не разнуздывай коня!

Мое заветное стремленье

Несет в грядущее меня.



* * *

Я долго жить обязан на Земле
За тех,
Кто не дожил свое на свете,
И канул,
Будто искорка во мгле,
Да так,
Что род людской и не заметил.
Я долго жить обязан.
Преодо мной
Еще лежат бесчисленные дороги:
Мне познавать дотошно мир
земной,
Я мир инопланетный на пороге.
Я долго жить обязан.
Мне детей
На жизненные выводить орбиты.
Учить их красоте
И доброте,

Учить повсюду быть на высоте
И возводить их
В ранги знаменитых.
Я долго жить обязан потому,
Что не себе –
Грядущему в угоду –
Повсюду буду драться за Свободу:
Так обещал отцу я своему,
Так обещаю своему народу.
Я долго жить обязан на Земле.



Уважение

Не от голода я собираю колосья,
Что оставлены в поле
Случайным косцом:
Просто в годы войны
Очень горько пришлось мне.
Цену хлебу тогда
И познал я мальцом.
Не забуду, как
– Хле-е-ба! –
Просили мы в голос.
И тяжелые слезы ползли из-под век.
... Я к тому,
Кто проходит оставленный колос,
Уважение сразу теряю навек.

Из «Оймонской тетради»

1

Синий дым
Или синий туман полонил
Всю долину Усть-Коксы
От края до края.
Словно здесь
Кто-то синьку
Развел и разлил
И не может стереть ее,
Как не стирает.
Даже утром туман
Здесь всегда иссиня,
Росы синие
В синие травы ложатся.
И Усть-Кокса,
Понятно теперь для меня,
Устье сини –
Иначе не может и зваться.

2

Тюнгур –
В переводе с алтайского –
Бубен.
Но бубна-то здесь
Днем не сыщешь с огнем.
И даже преклонного
Возраста люди
В давнишние годы
Забыли о нем.
Гадалки,
Шаманы...
Да были ль на свете
Такие когда-то?
Понять не могу...
Тюнгур.
Лишь село под названием этим
Лежит на Катунском
Крутом берегу.

3

Долина Оймона
Просторно легла.
Долина Оймона
Тиха и светла.
Здесь, что ни гора –
То легенда, то быль.

Здесь, что ни ущелье –
Начало судьбы.
Здесь, что ни тропа –
То начало пути,
Пути, по которому
К счастью идти.

4

Я знаю,
Нередко бывают в Тюнгуре
Громливые грозы,
Блудливые бури.
И в них не увидишь
Ни дымки,
Ни сини,
Как будто бы не было их
И в помине.
Тогда испытаешь
На собственной шкуре,
Какая она
Непогода в Тюнгуре.

5

Здесь когда-то предки кочевали.
Под открытым небом ночевали.
На поляне песни запевали,
Или состязанья затевали.

Здесь учили сыновей и внуков
Скачке на коне,
Стрельбе из лука,
Приучали их,
Коль время было,
Ставить и снимать свои аилы.
Но кончался отдых.
Вновь дорога
Их вела вдоль горного отрога.
Или вовсе уводила в горы
К солнцу –
На альпийские просторы.
... Здесь когда-то предки кочевали.
Их следы найду теперь едва ли.
Со стрелой вошел уже навечно
В пласт земли железный наконечник.

6

Люблю я песни старины.
В них много древней новизны.
Коль не запомним их,
Они
Уйдут навек в былые дни.
Их спрячет где-то старина
И пропадет их новизна.

7

Песню колыбельную
Пели ветры гор.
Пели песни юности
Тоже ветры гор.
Пели провожальную,
Пели и походную,
Пели величальную,
Пели и отходную
Тоже ветры гор.

8

Здесь каждая речка
Тиха иль дика –
В поэме Катуня
Всего лишь строка.

9

Из Коксы пешком
С вещмешком
До Тюнгурса
Я шел по траве,
Словно осенью,
Бурой.
Я шел через пади,
Вздыхался на горы,
Чтоб видеть до пяди
Родные просторы,

И с ними,
Как предки роднились,
Сродниться,
Чтоб в жизни собою
Потом становиться.

10

Я видел в Тюнгуре,
Я слышал в Тюнгуре,
Как старый алтаец
Играл на топшуре
И пел.
Улетали,
Сердца окликаая,
Глубокие звуки
Забытого кая.
– О чем эта песня? –
Спросил я мужчину.
– О том,
Что отары
Спустились в долину,
О том,
Что склоняется
Солнце устало,
О том,
Что пора
Для свиданий настала.

Я видел однажды

Я видел однажды,
Как кедр корчевали
Могучим бульдозером.
И охали дали,
И громко кедровка
Кричала за озером.
Стонали,
Качались.
Не дальние кедровы,
А рядом стоящие.
Я понял,
Что эти деревья —
Друзья настоящие.
Я понял,
Что кедровы
Не только плечами
Друг друга касаются:
Их крепкие корни
Под коркой земною,
Как руки,
В пожатии вечном
Сплетаются.

Письмо брату

Я получил письмо твое.
Пришла
Мне наконец-то
Весточка от брата!
Ты сетуешь,
Что служба тяжела
И жизнь однообразна у солдата.
Что нет тебе ни отдыха,
Ни сна:
То караул,
То маршбросок полночный.
И что у вас старшина
Командует везде,
Как только хочет.
Что ты скучаешь по родным местам
И думаешь о них светло и свято.
И заключаешь:
«Напиши мне там
На нашем языке стихов с десятков.
Про наш Алтай прекрасный сочини,
Про наши горы
И про наши реки.

Я их прочту товарищам.
Они
Не слышали алтайского вовеки...»
Легко сказать!
Попробуй напиши,
Не просто зарифмуй,
А так,
Чтоб было
В них что ни слово –
Только от души,
Что ни строка –
Чтоб, как стрела, разила,
Чтоб в сердце оставляла теплый след
И светлую возвышенность настроя.
А если ни в словах, ни в строках нет
На это сил –
Тогда писать не стоит.
Еще хочу тебе сказать,
Байрым,
И это будет истина святая,
Не числюсь я ни первым,
Ни вторым
В ряду поэтов Горного Алтая.
Я просто рядовой боец,
Как ты,
Иду в строю, и путь мой тоже труден.
Не мне судить,
Достигну ль высоты:
Об этом скажут люди.

Только люди.
Они решат, признать
Иль не признать.
А я все жду,
Волнуюсь на пороге:
Когда же вдохновенье-старшина
Опять меня поднимет по тревоге,
Заставит вновь склониться над столом
В любое время,
При любой погоде,
Прикажет мне писать стихи светло
О Родине,
О Долге,
О Народе.
И подчинюсь ему я в тишине:
Начну писать,
Упорно строки править.
Лишь только бы,
Как можно дольше мне
Не прозвучал его приказ:
«Отставить!»
...Вот так, Байрым.
А за стихи – прости,
Их нет пока.
И ты по братской дружбе
Возьми и это вот письмо почти
Своим друзьям-товарищам по службе.

Степь

Степь,
 миражные дали
 и пыль.
Монотонный пейзаж
 да жара.
Лишь устало склонился
 ковыль.
Ни куста,
 ни кола,
 ни двора.
Бесконечен,
 медлителен путь.
Ни людей,
 ни зверя,
 ни воды.
Учащенно
 колыщется грудь,
Позади –
 только наши следы.

Мы забыли,
что было вчера,
Мы от зноя и пыли
седы.
Только вера
под сердцем
живет:
Где-то будет
студеный родник.
Там чабан смуглолицый
живет,
Он к степи,
словно к дому, привык.
Заночуем.
И тронемся в путь.
И опять
встрепенется ковыль...
Учащенно
колышется грудь.
Степь,
миражные дали
и пыль.

Алтайские кони

Алтайские кони –
Горячие кони.
Их даже и сокол
Вовек не догонит.
Ему не угнаться за ними –
устанет.

От них даже беркут
Могучий отстанет.
Им горы –
не горы –
промчат,
не заметят.

В их гривах косматых
Запутался ветер.
Глаза их сияют,
Как полные луны...
Наездники смелы,
Наездники юны.

Летят – занимать им
Не надо умения.
Сверкают подковы,
Звенят о каменья.
Быстрейшему приз,
Как всегда, предназначен.
А финиш чертою
Веков обозначен.



Песня ветра

Я слышу,
Как ветер запел под луной,
Таинственный,
Тихий,
Ночной.

Сначала вздохнул
Высоко надо мной,
Потом засвистел,
Озорной.

О вешних вершинах,
О власти весны,
О вечной ее красоте.

О том, что у юности
Коротки сны,
О самой заметной мечте.
Поет, что не вечна весна,
А потом
Зеленое лето придет.

Что ливень промчится
Над темным хребтом
И пыль на дорогах прибьет...
А горы и звезды
Внимают ему,
И пляшет под песню огонь.
И парень,
Не зная зачем, почему,
Свою растревожил гармонь.
Роняют светло
Голоса журавли
На камни, леса и пески.
Согретые соками вешней земли,
Кедровые встали ростки.
А я одиноко стою у крыльца,
И что-то тревожно в груди
От ранней весны
И от ветра-певца,
От лета,
Что ждет впереди.

* * *

Как начнется
Весна
на Алтае –
Запоют
Свои песни
скворцы
И, с высоких отрогов
Сбегая,
Ручейков
зазвелят
бубенцы.
Зацветет золотисто
Саранка,
Засияет
трава
на лугу...
Я в окошко
взгляну

Спозаранку
И восторга сдержать
Не смогу.
Выйду слушать
Весенние
 звуки,
По которым
Давно заскучал.
В эту зиму,
 с тобою в разлуке,
Я от грусти
Немного устал.
Я продрог
От метели плакучей,
От сугробов
 седых
За окном.
Скоро землю
Весенние
 тучи
Освежат
Долгожданным
 дождем.
И тогда,
Принимаясь за дело,
Нам с небес
Улыбнется
 весна,

* * *

На горном лугу,
Где трава высока,
Пасутся не овцы сейчас –
Облака.
Не смяв ни травинки на нем,
Ни цветка,
Совсем осторожно бредут облака.
И смотрит на них с высоты сквозь туман
Гора одинокая –
Вечный чабан.
Вот дальние горы отходят ко сну.
Не спится пока одному чабану.
У самой вершины –
полоска зари.

А кажется,
Трубку чабан раскурил.
Не спится ему –
Рановато пока:
Еще не совсем улеглись облака.

* * *

Утро ясное и росное
В голубом моем краю.
Льется песня проголосная –
Сенокосчики поют.
И лихая,
И задорная
Вьется песня в вышине.
И заучивает горное
Эхо
Песню в тишине.
И к какому это празднику
Так старается оно?
Безответному проказнику
Плач иль песня –
Все равно.
Вдруг ему зимой захочется –
И когда-нибудь с зари
Эхо прилетит в урочище

К нам,
Чтоб песню повторить.
И припомнится нам росное
Утро в голубом краю
И вот эта проголосная
Песня,
Что сейчас поют.



Река

Шумит бурливая река,
Течет сквозь годы и века.
Камчой-струёю бьет в гранит
И все шумит,
 шумит,
 шумит.

Над нею синь и облака ...
О чем шумит,
Поет река?
И для кого она поет?
А горы слушают её.
Видать для них поет река,
Поет и годы
И века,
Поёт без отдыха
И сна,
Что в жизни
Жизнь и есть – она.

Мечта

У каждого в жизни
Песня своя
До соловья
От воробья.
У каждого в жизни
Работа своя
От человека
До муравья.
У каждого в жизни
Своя высота.
Лишь не имеет предела
Мечта.



* * *

Люблю я лазать по горам.
Бывает,
Ухожу с утра
И до обеденной поры,
Взбираюсь на плечо горы.
Не по тропе,
А напрямиком
Иду свободно и легко.
Потом сижу на высоте
И думаю о красоте
Родной земли.
А вдалеке
Чабан сидит на рысаке.
Сидит.
За овцами следит
И трубкой в небеса кадит.
В ущелье булькает река.
Она мелка,
Зато звонка,

Зато она,
Как лань,
Быстра
Катуни младшая сестра.
За смутным маревом –
Поля.
Стоят,
Усами шевеля,
Там рожь,
 пшеница
 и ячмень.
Стоят и ждут свой главный день.
По нитке тракта там и тут,
Как будто муравьи снуют,
Идут машины без конца.
... И время мчит,
Уже к гольцам
Склонилось солнце.
Мне пора
Идти домой.
И до утра
Сидеть за письменным столом
И свой блокнот кромсать со злом
За то,
Что плохо вышло в нем
Все мной увиденное днем.

* * *

Наверно это
У меня в крови –
Пришло из тридесятого колена:
Я знать хочу
Все травы поименно.
Ещё хочу
Всех птиц я непременно
Повсюду узнавать по голосам.
Наверно, это от моей любви
К родным горам
И к сумрачным лесам,
К природным катаклизмам,
К чудесам.
Наверно, это у меня в крови.
И знать ещё хочу я,
Почему
Так названы вершины
И долины, откуда свой исток
Берут былины
И где предел незнанию моему.

* * *

Да, лето вновь
У нас не загостилось:
Едва созреть успело...
И опять
В долины осень
Ранняя спустилась,
Взялась сбивать листву
И травы мять.
Всплакнуло небо
Об ушедшем лете,
О птицах
Улетающих на юг.
...Я нынче как-то
Сразу не заметил,
Что узок стал
Друзей веселый круг.
Что реки стали тише,
Мелководней,
Что иней по разлогам
Зачастил...

Воспеть подруг,
Друзей.
И тех –
Особо,
С которыми
Я не договорил,
И доторить
В разлогах и трущобах
Тропинки,
Что ещё не доторил.



Осень

Нынче рано пришли холода.
Над туманами солнце,
Как снится,
Покраснели поля и вода,
Как бегущая в горы лисица.
Постепенно грустнеют друзья,
Крепнет ветер
И листья краснеют.
И туда возвратиться нельзя,
Где тебе улыбнуться не смеют.
Над хребтами
Взошла тишина.
Отлетают последние птицы...
Молодая моя сторона,
Что тебе в эту зиму приснится?
Я раздую очаг из углей,
Средь урочищ
И дымчатой дали.
И дождусь зоревых журавлей,
Тех, что нынче
С тобой провожали.

В каждую осень

Улетают мои журавли –
Это годы мои улетают.
И в синей дали
За вершинами горными тают.
Запоздалый проносится клин
Торопливо,
Предзимье почуя.
– Неба чистого вам,
Журавли! –
Им вослед из долины кричу я.
Пусть для вас по дороге теплы
Будут всюду озерные чаши.
И пускай никакие стволы
Не вздымаются в сторону вашу.
Улетают мои журавли,
За вершинами горными тают...
Вот и зимние тучи пришли,
С плеч снежинки на землю сметают.
И земля наряжается в шелк
Бело-белый,
Как будто невеста.

Только трубные клики ещё
Слышу я из далекого места.
Или горное эхо сюда
Журавлиные трубы доносит?
...Почему-то со мною всегда
Так случается
В каждую осень.



Властители муз

Впервые покидал я край родной
И он прощался, как отец, со мной.

Звенели реки:

– Где б не лег твой путь,
О нас голубоструйных не забудь!

Кивали головами мне цветы,
Со мною кедры были все на ты,
Любая падь прохладой звала
И каждая скала

Своей была.

Звенели птицы в зимнем ивняке
Мне на своем весеннем языке.

И, покрывая расставальный шум,
Мне песни Улагаша пел топшур.

Две звонких жилы –

Две его струны –

Вели напев родимой стороны.

Как будто бы кайчи известный наш
Прощался сам со мною Улагаш.

И верилось мне искренне,
Вот-вот
Услышу голос старческий его
И скажет он напутственную речь,
Которую мне помнить и беречь.

...И вот я в Казахстане.
И добра
Меня встречает песнею домбра –
Меня встречает песней в первый раз
Топшура всеизвестная сестра.
Она поет мне каждую струной,
Что стал счастливым край её родной
Каким за все минувшие года
Еще и не бывал он никогда.
И звуки, что торжественно звенят,
Переполняют радостью меня.
Мне кажется,
Что в ясном свете дня
Акын Джамбул приветствует меня.
И верится мне искренне:
Вот-вот
Услышу голос ласковый его,
Что обратится он из давних дней
С приветным словом к Родине моей,
К земле моей,
К народу моему.
И я не смело подпою ему.

...А в Киргизстане,
Как хозяин муз,
Меня встречает песнею комуз.
Здесь величальную поет комуз
Алтайскому народу моему.
Потом рокочет каждую струной
Про свой прекрасный Киргизстан родной.
Поет про реки шумные его,
Поет про горы синие его.
Я слышу в каждом звуке торжество,
Я слышу в каждом слове торжество.
И кажется,
Что на исходе дня
Сам Токтогул поет здесь для меня.

...И вот я возвращаюсь в край родной.
Густая дымка виснет надо мной,
Кивают головами мне цветы,
Со мною кедры говорят на ты.
Меня встречает каждая скала
С гнездовьями сапсана и орла.
И лес поет мне синий у горы
То голосом комуза, то домбры.
Как будто в наши светлые края
Сошлись сегодня братья и друзья.
А я, а я все думаю о том,
Что в этом мире солнцем залитом
Звучат властители святейших муз:

Топшур,
 домбра
 и песенный комуз.
А я, а я все думаю сейчас
О том,
Что будут вечно среди нас
Пока мы живы:
Улагаш,
 Джамбул
И соловей Тянь-Шаня Токтогул.



На берегу Башкёса

У Башкёса,
На лесной поляне
Быть сегодня нашему костру.
От реки прохладой свежей тянет,
Чуть шумят деревья на ветру.

Наш очаг,
Как водится, из камня,
Пляшет чай в утробе казана,
Над громадой гор,
Над облаками
Источает млечный свет луна.

Полная,
Готовая пролиться
В эту ночь,
А ночь от звезд – синя.
Вкруг костра нас четверо,

На лицах
Бродят блики красного огня.
Оказался рядом с Казахстаном
В эту полночь солнечный Алтай:
Потчuya Мурата и Мирлана,
Сам Шодоев разливает чай.

Пламя искры в темноту возносит
Каплями летящего огня...
Про алыпов славных гости просят,
Про батыров просят спеть меня.

Я с топшуром говорю, играю,
От начальных, беспечальных строк
Голосом гортанным начинаю
Об Алтай-Буучае кай-чёрчэк.*

Из глубин, из века золотого
Мудрую и вечную красу –
Предками завещанное слово
Бережно, торжественно несy.

За покой великого Алтая,
За народ свой,
Загнанный в тюрьму,

* *Кай-чёрчэк* — алтайский эпос, буквально: сказка, исполненная каем, специфическим пением.

Богатырский меч Алтай-Буучая
Молнией разваливает тьму.

Всех врагов он в битвах побеждает,
Вся страна батыром спасена,
И от смерти он освобождает,
И от зла родные племена.

И в пределах отчего Алтая
С той поры до нынешних времен
Чтит народ великого Буучая,
И живет, не умирая, он.

...Звон топшура и сказанья эти
Золотая слушает луна.
Серебром мерцая в лунном свете,
Песне откликается волна...

Я о славе нашего народа
Пел,
Забыв про время,
До утра,
До рожденья нового восхода
У давно погасшего костра...

Воробей

– Воробей, воробей!

Ты куда полетел?

– Чик-чирик!

Чик-чирик!

Я поесть захотел.

– Воробей, воробей!

Ведь сегодня мороз.

– Чик-чирик!

Чик-чирик!

Я совсем не замерз.

– Воробей, воробей!

Черный кот на току.

– Чик-чирик!

Чик-чирик!

Он лежит на боку...

Вот слетел он на ток

И наелся вполне.

Черный кот лежебок

Спит,

Мурлычет во сне.

Вот поднялся винтом
Воробей-озорник
И над самым котом
Закричал:
– Чик-чирик!



* * *

Здесь были таежные тропы –
Опаснейшие пути.
Вершину
И каждую пропасть
Старались они обойти.
Плелись по лугам и отрогам,
К неведомой дали стремясь.
И был здесь хозяином-богом
Какой-то неведомый князь.
Считая себя великаном
Чуть-чуть ли не вровень с горой,
Он пошлины брал с караванов
И путников грабил порой.
И был он по-своему властен,
По-своему недалек.
... А ныне артерией счастья
Здесь тракт рукотворный пролег.

Месяц

Стал на перевале на постой
Месяц золотисто-золотой.
Ясный месяц с гордой вышины
Навевает людям чудо-сны.
Сны-мечты
И даже сказки-сны
Навевает он из тишины.
Скоро утро.
Не плыви,
Постой,
Месяц золотисто-золотой!
Не катись ты колобком с гольца,
Дай мне сон увидеть до конца.
Сон о детстве,
Где в глухой ночи
Песня колыбельная звучит
И сияет надо мной венцом
Мамино родимое лицо.

И снова

И снова, как будто впервые,
Брожу и слежу допоздна,
Как быстро чехлы снеговые
Снимает с деревьев весна.
Как быстро зима отступает
К далеким туманным белкам
И как снеговые припаи
Ломают горянка-река.
Ломает,
Несет на спине их,
О каменный берег круша.
И горная дымка синееет,
И первые листья шуршат.
И снова поется поэтам
И днем,
И в полуночной мгле
О самом хорошем на свете,
О самом святом на земле.

Дождик

Дождик, дождик,
Пуще лей!
Капель, дождик,
Не жалей!
Лей на голову
Мою.
Пуще лей!
Я постою.
Посмотрю
На пруть твою
И просительно
Спою:
– Дождик, дождик,
Пуще лей!
Влаги, дождик,
Не жалей.
Ну-ка, рухни,
Проливной,
Над моею стороной.
Уходить не торопись:
Лес весенний окропи
И ручьи в поля гони,
Чтоб насытились они.

Дождик, дождик,
Пуще лей!
Влаги, дождик,
Не жалей.
Лей на голову
Мою.
Пуще лей,
Я постою.
Посмотрю,
Как пьет листва
И купается
Трава,
Как свежают деревья,
Свесив ветви-рукава,
И как скачут воробьи
В лужи первые твои.
Дождик, дождик,
Пуще лей!
Влаги, дождик,
Не жалей.
Вон и радуга встает,
Из Катуня воду пьет –
Пополняет твой запас.
Не жалей
Воды для нас.
Дождик, дождик,
Пуще лей!
Капель, дождик,
Не жалей.

* * *

Опускается вечер,
Засыпают цветы.
Скоро скалам на плечи
Ляжет слой темноты...
Но цветы не погаснут –
До рассвета почти
Безмятежно
И ясно
Будут в небе цвести.



Руки

Эти руки умеют:
Дома возводить,
Огород городить
И деревья садить,
Пароходы водить
И беду отводить,
И держать авторучку,
И грузы таскать,
И слезу утирать,
И ребенка ласкать.
Эти руки умеют
Пилить
И строгать,
И винтовку,
Коль надо,
Поднять на врага.

* * *

Вот снова я
Стою перед тобою,
И снова на душе моей
Покой.
Я счастлив,
Что единственной судьбою
Соединен
С единственной тобой.
Как смотришь ты
Весенними глазами,
Как дышишь ты
Свободно и легко.
Как будто май
Заголубел над нами
И грозы
Укатились далеко.
Кто нынче первым
Тишину нарушит?

Какую тайну
Сможет рассказать?
Но ясный полдень
Освещает души,
Как будто нам
Советует молчать.
Деревья,
 скалы
Словно дышат с нами,
Они сегодня
Держат над тобой
Высокое
Таинственное пламя,
Что согревает
Только нас с тобой.



* * *

Я хотел бы обернуться ветром,
Чтобы в дом влететь твой незаметно.
Я хотел бы
Дымом можжевела
В комнате твоей витать несмело.
Я хотел бы
Книгой стать.
Но только
Самую любимую – настольной,
Чтобы ты прочла ее до строчки
И потом запомнила до точки.



Эй, сокол!

Пусть крылья твои не устанут вовек,
Эй, сокол!

Мчи, как стрела с тетивы в синеве,
Эй, сокол!

Если любимую встретишь мою,
Эй, сокол!

Ей расскажи там о чем я пою,
Эй, сокол!

Ты расскажи ей, что память жива,
Эй, сокол!

Что в песнях моих о ней лишь слова,
Эй, сокол!

Ты расскажи ей, что время придет,
Эй, сокол!

Пусть меня ждет она!

Пусть меня ждет!

Эй, сокол!

Пусть крылья твои не устанут вовек,
Эй, сокол!

* * *

Что ты, ветер,
Чего-то пророчишь,
Навеваешь мне из забвения?
... Я не знаю,
В каком из урочищ
Затерялась подруга моя.
Та,
С которой мы вместе бродили
И встречали когда-то рассвет,
Та,
С которой нас разделили
Пропасьть взглядов
И злобины лет.
Ну, а все же –
И нынче не скрою –
Память ею бывает больна.
Может быть
Для кого-то зарею

Негасимую стала она.
Может, в быт окунулась,
Как в омут,
Может, в чем-то ей
Не повезло.
Все могло быть совсем по-иному.
Но сложилось
Не так, как могло.
А судьба за пределами строчек
Этих
Ходит сама не своя.
... Что ты, ветер,
Чего-то пророчишь,
Навеваешь мне из забвения?



Музыка

У дальних гор
Забрезжил
 свет зари.
Еще кругом
Дыхание
 ночное,
Но чувствую,
Как музыка
 парит,
Рождая день
Над спящею землею.
Встречает солнце
Утренний Алтай.
Росой умыты
Синие
 пригорки.
В логу
Сверкают молнией
 литовки,

И ветерок
Доносит
 песий лай...
А солнце
Поднялось
 над цепью гор
И шлет лучи
В долины и овраги.
Аккордами
 звенит
Родной простор.
Горят
 цветов
Трепещущие флаги.
Вот косари
Запели
 за холмом,
Поют они
О новом урожае...
И музыка,
Рожденная трудом,
В сердцах людских
Звучит не умолкая.

Закат

По узкой дороге,
Бегущей к Чибиту,
Мы шли на закате.
И ты мне сердито
Твердила,
Что время настало прощаться.
Твердила,
Что лучше пока не встречаться.
Заняться туризмом,
Стихами,
Наукой
И первое чувство
Проверить разлукой.
... И вот мы в разлуке.
А дни –
Как недели.
Неужто не встретимся мы?

Неужели
Закат на Чибитской дороге когда-то
Для первого чувства
Был вечным закатом?
А мне-то казалось...
А мне-то казалось...
Но все оказалось
Не так,
Как казалось.
А все оказалось,
А все оказалось
Сложнее,
Труднее
И горше, пожалуй.
И вот я иду
По Чибитской дороге
В печальном раздумье,
В тоске и тревоге.
Письмо твое снова
И снова листаю,
Как будто страницы былого
читаю.

Ты пишешь:
«Жалею,
Что сон затянулся.
Теперь я проснулась...»

Но я не проснулся!
Я все еще в том
Состоянии странном:
Все кажется светлым таким,
Безобманным.
Восторженно высвистам
Птичьим внимаю.
... И только порою
Я вдруг понимаю:
Закат на Чибитской дороге когда-то
Для светлого чувства
Был первым закатом.



Скажу позже

- Как тебя зовут? Скажи мне.
 - Аяной все меня зовут.
 - А твой папа дома, Аяна?
 - Нет, он все еще в горах.
 - Что он делает там, Аяна?
 - Он пасет в горах овец.
- У него их столько много –
За неделю не сочтешь.
Правда, я считать умею
Только лишь до десяти.
Вот пойду я скоро в школу,
Научусь тогда считать.
Пересчитывать отары
Помогу всем чабанам.
- Кем ты станешь, Аяна, после
Окончания школы?
 - Это я сама не знаю.
- Это я скажу вам позже.
Вот когда окончу школу,
Обязательно скажу.

Баллада о чабане

Искал овец
Седой чабан
В кромешном
 вихре
Непогоды...
Стонал
 и выл
 в горах
Буран,
Срывая с круч
Куски породы.
Два дня,
 безмолвный,
Словно тень,
Старик
 сквозь бурю
Лез по скалам...
Лишь к вечеру
На третий
 день

Пришел домой
Чабан
 усталый.
Неумолкающий
 буран,
Как лютой враг,
Стучался
 в двери.
И, опечаленный,
 чабан
За чаем
 вспомнил
 о потере.
Сказала
 грустная жена:
– Пойми,
 овец в колхозе
 тыщи.
Да и твоя ли
В том вина,
Что налетел
 такой ветрище.
Ты потерял
Пяток овец,
Но ведь колхоз
 не обеднеет.

А ты –
 измучился вконец.
Повремени,
 вот развиднеет,
Вот
 успокоится
 буран,
И мы с тобой
Овец
 отыщем...
– Все так, –
Сказал жене
 чабан, –
У нас овец в колхозе
Тыщи.
Права ты,
Наш колхоз
 растет.
Овец
 все больше
Год от году.
Но мне
Доверил их
 народ.
Как я взгляну
В глаза
 народу?

Во сне
 знакомую
 тропой
Взбираясь в горы
Неустанно...
Всю ночь
Метался
Как в бреду...
Но вот –
В окне
Рассвет
 неспешный.
Старик
Взял посох,
Взял еду
И вновь
 шагнул
В буран кромешный.
Летел
 в лицо
Сыпучий снег.
Бил в грудь
Наотмашь
Вихрь
 морозный.
Но шел
Упрямый
 человек

Искать
 в горах
Овец колхозных.
Он молча
Кручу
 обогнул.
Прошел
Долиной,
Косогором,
Во все овраги
 заглянул
И вновь
Тропой
 поднялся
В гору.
Он эти горы
С детства
 знал,
Но перед ним
Лишь снег
 кружился.
Скрывала
 буря
 перевал.
Старик
С тропы
 знакомой
Сбился.

Но шел вперед
Чабан седой,
И вдруг
 за снежной пеленою,
В шагах пяти
 перед собой,
Овец увидел
Под скалою.
Без корма
День и ночь
 они
В мороз
Под ветром
Здесь стояли.
Как ни зови,
Как ни гони –
Их с места
 стронешь ты
Едва ли.
Чабан
Овец своих
 ласкал.
Буран
 ревел,
 не умолкая.
А день короткий
Угасал,
И в горы
Тьма пришла
 ночная.

Провода

Просквозили тайгу провода.
Словно струны топшура,
Они напевают о чем-то всегда
В непогоду
И в ясные дни.
С ними кедры и ели поют
И утрами
И по вечерам.
Прижились они в нашем краю,
Став своими тайге и горам.



Пусть сияют

Выше гор я не стану,
Но подняться над ними могу.
Захочу и –
Достану
Звезды,
Словно росинки в лугу.
Захочу и достану
Эти трепетные светляки
И нанизывать стану
Их на ниточку горной реки.
Пусть сияют землянам
По ночам на планете Земле.
Чтоб казалась земля нам
Самой светлой
И самой теплой,
Кроме солнца,
Была для людей.
Пусть прильнут эти звезды к стеклам,
Чтобы каждому –
По звезде.

Горное эхо

Когда
 в горах родных
 стою —

Душа
С печалью
 расстается...

Я песню
Звонко запою,
И эхо
Песней
 отзовется.

Но странный голос
Донесет
Не тот напев,
 что создан мною,

А песню ту,
Что мой народ
Здесь пел
С печалью
 вековою.

На обновки

Дождь!
Дождь!
Дождь идет!
Из кудели-тучи
Пряжу синюю прядет
Ветерок летучий.
Не бросаясь,
Не пыля
Капельками даже,
С помощью воды земля
Вновь обновку свяжет.
Каждой местности холсты
Даст,
Как для приметки,
Небывалой красоты,
Радостной расцветки.
Им пока не достает
Яркого убора.
Дождь!
Дождь!
Дождь идет
Радостный и спорый.

Птицы

По осеннему небу привычно,
Взяв на юг
Свой извечный маршрут
С расставальной песней обычной
Перелетные птицы плывут.
Проплывают,
Крылами качая,
Вспоминая веселые дни.
И в торжественной этой печали
Величаво красивы они.
Улетают они не навечно,
Вот вернуться опять по весне
И тогда
С новой песнею встречной
Будут птицы красивы вдвойне.



* * *

Вихри северного склона,
Ветры холода лесного,
От лугов еще зеленых
Отлетают птицы снова.

Южный склон, твой вешний ветер –
Юный сын кочевий старых –
Согревает всех на свете,
Собирает птиц усталых...



СТИХИ МОИ

Стихи мои,
Написанные ночью,
Такими ж будьте тихими,
Как ночь,
Чтоб люди спали
Мирно и спокойно
И видели таинственные сны.
А на рассвете
Набирайте силу,
Звучите на рассвете
Во всю мочь,
Чтоб заряжались люди
Вашим ритмом,
На трудовую вахту становясь.
Звучите днем
Размеренно и четко
С часами в лад,
С сердцами в унисон.

Звучите,
В чем-то людям помогая,
Тогда они вас
Примут и поймут.
А к вечеру
Опять звучите тихо –
Таковыми ж будьте тихими,
Как ночь,
Чтоб люди спали
Мирно и спокойно
И видели таинственные сны.



* * *

Горы,
Родные горы –
Счастье мое и горе!
Здесь кедры идут на приступ,
Цепляясь за каждый выступ,
Стремятся
Взобраться выше
Туда,
Где прохладой дышут
Снега вершин величавых,
Овеянных вечной славой.
Горы,
Родные горы –
Счастье мое и горе!
Здесь гнездятся улары,
Здесь пасутся архары,
Здесь летают
орланы,

Ты, родина

Как жизнь – одна,
Как душа – одна,
Ты –
Родина вечная,
Ты –
Весна.

За льдами заоблачной высоты
Твои
Величественные цветы –
Луга высоких алтайских слов!
Жизнь положив,
Сохранить их готов.

Если ты станешь гола и нема,
Если свет твой погасит тьма –
Умру,
Но край не покину свой –
Останусь,
Стану травой луговой.

Если Алтай окружит вода,
И над Алтаем взойдет беда,
А я в этот час окажусь вдали –
По дну дойду
До своей земли!

Не стало матери у меня,
И поредела моя родня –
Осталась
Родина у меня,
И весь народ мой –
Моя родня.

Безногий –
Ползком доползу на Алтай.
Оглохну –
Сердцем услышу Алтай.
Ослепну –
Рукой узнаю Алтай.
Онемею –
Душой восславлю Алтай!



Алтай

Вознес ты горы к облакам
Из тьмы далеких дней,
Алтай,
Рассказан ты векам
Копытами коней.

Рассказу нет тому конца
До нынешнего дня.
В нем есть страница
Про отца,
Есть строчка
Про меня.

Строка о детском давнем дне
Попала в тот рассказ –
На необъезженном коне
Лечу я в первый раз!

Отец учил тогда –
Навек
Урок вошел в меня –
Не принимать ленивый бег
Смиренного коня.

Алтай!
Вздымая к облакам
Легенды и дела,
Звенели далям и векам
Стальные удила.

Давно отца на свете нет,
И где стоянка та,
Где кони быстрые, как свет,
Как выстрел,
Как мечта?

На гриву головой упав,
Закончили они
Среди густых алтайских трав
Свои земные дни.

Но их стремительный полет,
Неукротимый ход –
От детских лет во мне живет,
Как родина,
Народ.

В дыханье, ржанье табуна,
Пройдя через года,
Преданья вещая струна
Мне слышится всегда.

Дыханьем оглашая мир –
Алтайский мирный край,
Под вечным кедром спит батыр –
Могучий Буучай.

И, ограждая от врага
Героя своего,
Стоит великая тайга,
Как воинство его...

Алтай –
Целебная вода,
Цветущая трава,
Гор белоглавых череда,
Нетленные слова.

О солнце Азии, согрей
Покой моих земель,
Алтай –
В руках богатырей
Народов колыбель!

Алтай,
Детей ты учишь всех
До нынешнего дня –
Не принимать ленивый бег
Смиренного коня.

Алтай,
Ты поднял к облакам
Легенды и дела,
Звенят пространствам и векам
Стальные удила...

Как северный таежный склон –
Отец суровый – ты.
Как будто теплый южный склон –
Мать ласковая – ты.



Кедр

И в летний зной,
И лютою зимою,
Под синевой,
Над зеленью долин,
Соединяя небеса с землею,
Стоит мой кедр –
Алтайский исполин.

Свободы и величия исполнен,
Стихии мира в нем совмещены –
Льет на него потоки солнца полдень,
А полночь –
Молчаливый свет луны.

И наполняет кедр вечнозеленый
Простор весны,
Покой осенней мглы
Густым и величавым шумом кроны,
Дыханием живительной смолы.

Он принял силу
От земли Алтая,
И от небес бессмертье принял он,
В прошедшее
Корнями прорастая,
В грядущее
Вершиной вознесен!



Брату Байрыму

Байрым,
Я письмо получил твое, брат.
Байрым,
За тебя я действительно рад:
Сердце твое
Открыто, светло,
Думу твою
Не тронуло зло,
Надо, чтоб к жизни наполненной, брат,
К упорной учебе всегда нас влекло...
Пишешь ты:
«Таныспай-ака,
Живу я здесь неплохо пока,
Но книгу Блока купил вчера,
И снова в кармане моем – дыра...»
Это не страшно,
Можно прислать.
Это счастье – книги читать.
Деньги тебе, Байрым, я пришлю.

Книги и сам покупать люблю.
Поэтами
Можем мы и не стать,
Но встретимся –
Будем стихи читать!
Знаешь, книг маловато здесь,
А в городе
Добрые книги есть...
Пишешь ты:
«Таныспай-ака,
Тает на улице, просто река,
Мокро в валенках по весне,
Деньги нужны на ботинки мне...»
Сам знаешь, Байрым, -
Семья велика,
Ты подожди немного пока,
И я учился,
В твои года
В дырявой обуви бегал всегда.
Я был, как награде, учебе рад...
Но я пришлю тебе денег, брат.
Ты там
Назыма Хикмета купи,
Есенина, если будет, купи,
Стихи алтайских поэтов купи.
На остальные...
На остальные –
Ботинки себе купи!

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо новых песен поэта.

В.Е.Кончев 3

Здравствуй, утро!

Перевод Г.Володина 7

«Раздвигая заросли лучей...»

Перевод Г.Володина 9

Навечно. *Перевод А.Павлова* 10

Судьба. *Перевод Г.Володина* 12

Памятник. *Перевод Г.Володина* 15

На могиле партизана.

Перевод А.Павлова 16

Стланик. *Перевод Г.Володина* 18

Земля где я вырос.

Перевод Г.Володина 20

Время. *Перевод А.Павлова* 23

«Я долго жить обязан на Земле...»

Перевод Г.Володина 25

Уважение. *Перевод Г.Володина* 27

Из «Оймонской тетради».

Перевод Г.Володина 28

Я видел однажды.

Перевод Г.Володина 34

Письмо брату. *Перевод Г.Володина* 35

Степь. *Перевод А.Павлова* 38

Алтайские кони.

Перевод Г.Володина 41

Песня ветра. *Перевод А.Павлова* 43

«Как начнется...». Перевод А.Ревенко	45
«На горном лугу...»	
Перевод Г.Володина	48
«Утро ясное и росное...»	
Перевод Г.Володина	49
«У ночи черные глаза...»	
Перевод А.Павлова	51
Река. Перевод Г.Володина	52
Мечта. Перевод Г.Володина	53
«Люблю я лазать по горам...»	
Перевод Г.Володина	54
«Наверно, это...» Перевод Г.Володина	56
«Да, лето вновь...»	
Перевод Г.Володина	57
Осень. Перевод Г.Володина	60
В каждую осень. Перевод Г.Володина	61
«Еще не встало утро...»	
Перевод Г.Володина	63
Властители муз. Перевод Г.Володина	64
На берегу Башкёса.	
Перевод А.Плитченко	68
Воробей. Перевод Г.Володина	71
«Здесь были таежные тропы...»	
Перевод Г.Володина	73
Месяц. Перевод Г.Володина	75
... И снова. Перевод Г.Володина	76
Дождик. Перевод Г.Володина	77
«Опускается вечер...»	
Перевод Г.Володина	79
Руки. Перевод Г.Володина	80

«Вот снова я...» Перевод А.Павлова	81
«Я хотел бы обернуться ветром...»	
Перевод Г.Володина	83
Эй, сокол! Перевод Г.Володина	84
«Что ты ветер...»	
Перевод Г.Володина	85
Музыка. Перевод А.Ревенко	87
Закат. Перевод Г.Володина	89
Скажу позже. Перевод Г.Володина	92
Баллада о чабане.	
Перевод А.Ревенко	93
Провода. Перевод Г.Володина	102
Пусть сияют. Перевод Г.Володина	103
Горное эхо. Перевод А.Ревенко	104
На обновки. Перевод Г.Володина	106
Птицы. Перевод Г.Володина	107
«Вихри северного склона...»	
Перевод А.Плитченко	108
Стихи мои. Перевод Г.Володина	109
«Горы...». Перевод Г.Володина	111
Буду славить. Перевод Г.Володина	113
Ты, родина. Перевод А.Плитченко	115
Алтай. Перевод А.Плитченко	117
Кедр. Перевод А.Плитченко	121
Брату Байрыму.	
Перевод А.Плитченко	123

*Сборник приурочен 70-летию автора, издан
при содействии администрации, Управления
образования, отдела культуры г. Горно-Алтайска*

**Таныспай (Иван) Баксурович
Шинжин**

ГОРНОЕ ЭХО

Стихи
Перевод с алтайского

Технический редактор Эркин Ш.
Компьютерная верстка Эркин Ш.

Подписано в печать 15.03.2007 г. Формат 70x90^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 6,28.
Уч-изд. л. 5,26. Тираж 300. Заказ 1368.

Отпечатано в ОАО «Горно-Алтайская типография»
649000 г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

65,00

